

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2019" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2019 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2019 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 252. " [Теология](#) "

Карл Маркс - это бог-отец.

У него на небе хрустальный дворец.
Энгельс отвечает за божеский быт,
Внушает Марксу, что тот на Земле не забыт.
С чашкой кофе вбегает Энгельс, боится, что опоздал.
Маркс недоволен: "Нарываешься на скандал?
Почему опять не принёс экран?
Я хочу наблюдать за пролетариями всех стран".
□ Старый знает, никаких пролетариев нет давно,
Но заказал экран, чтобы тайно смотреть кино:
Сериал под названием "Game of Thrones"
Про любовь Петра Великого и Анны Монс.
Маркс возмущённо кричит и трясёт головой.
Перхоть летит - падает снег над Москвой.
Иногда я слышу с неба какой-то крик,
Но, думаю, мне не опасен этот смешной старик.
Другое дело - Ленин. Это бог-сын.
В доме под мрачным куполом живёт один.
Дядька скандальный, я закопать его бы не прочь.
Он вроде умер, но воскресает каждую ночь,
В полночь вскакивает, бьется головой в дубовую дверь,
Стонет, плачет, рычит, как зверь:
"Товарищи, товарищи! Товарищ Гильбо!
Они приходят с иголкой, и это бо-бо!
Повар готовит слишком острую еду,
Не послушали меня, оболтусы, на свою беду".
Приблизительно в шесть утра
В мавзолее появляется медсестра,
Подкрадывается к Ленину, ставит укол.
Ленин медленно оседает на пол.
□ Толпы китайцев ждут с утра у дверей:
"Когда же, когда откроют нам Мавзолей?"
Так и живём, но, кроме этих двух,
Есть ещё коммунистический дух,
Невидимый, но похожий на большого кота,
В этой теологии не понимаю я ни черта.
Любит меня безмерно, преданно смотрит в рот
Я даже боюсь немного, что он меня загрызет.
Всех разогнали, Москва пуста.
Я начинаю с чистого листа.
Проношусь по городу, такая вокруг красота!
Может, устроить бассейн вместо храма Христа?
Люди ведь любят купаться, особенно в тёплой воде.
Стоит ли им отказывать в такой ерунде?
Спускаюсь на лифте в потайной кабинет.
Там хорошо и тихо, никаких прохиндеев нет.
Советники рассосались, в бункере тишина.

Никого вокруг, только я и моя страна.
Дух, конечно, сидит у моей ноги,
Ластится, лижет мне сапоги.
Разрезаю банан,
Намазываю апельсиновый джем,
Посыпаю сахаром
И ем.

2 место

Конкурсное произведение 292. " [Заталкивает в лифт большое облако...](#) "

Заталкивает в лифт большое облако,
заходит сам, стоит ко мне спиной.
Лифт грузовой, но втиснуться попробуй-ка
ты со своею ношею иной.
А бабушка несет в пакете яблоки –
мешок огромный с надписью «О'кей»...
Быть может, уместилась с нею я бы - как
мне только уклониться от ветвей
в блестящих каплях августовской яблони.
Дверь не закрылась. Дед вкатил арбуз.
Спешил, наверно, руки-ноги зябли ли.
А я тоску тащила на горбу
на свой этаж по бесконечной лестнице –
удушливой овечьей шерсти тук –
ведь все равно он в лифте не поместится,
застрянем – и тоске моей каюк.

3 место

Конкурсное произведение 362. " [Шурочка Цахес](#) "

Шурочка Цахес ночью выходит в сад.
Возле канавы в сумерках голоса
жабы — да так утробно и похотливо.
Даму тоска начинает под грудь колоть.
В кресло она погружается так, что плоть,
чавкает, словно волны в момент отлива.

Ноги её натруженные гудят.
Перед глазами стелется райский сад.
Долго она брела к своему Эдему.
«Пусть сорняком взошла я в этом саду,
но в перегонной до срока я не уйду», -
думает и вплетает лавр в диадему...

В дачном алькове спит неофит, мордаст.
Завтра его издаст, а чуть позже сдаст
в макулатуру — пусть шелестит в утиле.
Сколько поэтов через неё прошли
и проросли, как зёрна из-под земли
в вечность, а ей ни строчки не посвятили.

Всякий поэт, желая узнать секрет,
едет с визитом, сплетнями подогрет,
кланяется, как Германн перед графиней.
Предан ей, словно Брут, словно «брют» игрист.
Очередной словесный эквилибрист
ручку целует, хладную, точно иней.

Лопнули звёзды — водные пузырьки.
Шурочка дремлет... Мысли её горьки -
кто она в мироздании — уж не жаба ль?
Чтоб не тонуть в забвении, в злой ночи,
тапками энергично она сучит
и воспаряет плавно, как дирижабль.

4 место

Конкурсное произведение 26. " [Настоящее прошлое](#) "

прошлое измеряется в стихобитах.
карта твоей памяти тихо бита
обманчивой картой таро.
но прошлое не забыто,
не выбито,
шито
суровыми нитками быта,
вышито шёлком
тебе дорогих дорог,
оно, словно бабушкино полотенце,
лежит в сундучке подреберья,
где-то под самым сердцем -
неведомая материя —
перекликается
с детством
и смотрит в щёлку.
ему всё прощается.
от него никуда не деться.

иногда оно возвращается
в твой мирок,

выползает,
просится в руки,
ластится кошкой,
заигрывает,
царапает.
вместе с ним
приходят запахи,
звуки
и даже немножко
тепла.

вода уже утекла
сквозь пальцы.
сломаны старые пальцы.
а прошлое всё пялится
своим пожелтевшим оком
и ждет минуты,
чтоб выйти боком.
но не печалься,
доверься ему ты.
оно солнечным золотом оторочено,
не портится,
не гниёт.
не смотри, что оно просрочено,
что тревожит всё чаще.
прошлое - оно настоящее,
живое.
твое.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 73. " [Мёртвые и живые](#) "

Сара супругу с утра делает нервы:
— и шо мы забыли в стране, где правят бывшие пионеры?
милый, ты знаешь, меня воротит при виде сала...
— Сарочка, щастье моё, как ты меня достала!
сколько раз повторять — это по-ли-ти-ка. а ещё чернозём, руда...
— и шо я забыла на том яру?
— для меня это важно, Сара! а вот ботокс твой — ерунда!
и шоб без скандалов, жизнь моя, как с тем банкетом со стеклотарой...
пилот слишком скромно приветствует Сару,
а та слишком нагло хамит пилоту, взлетать командует.
— Сара! — муж хмурит брови. — не позорь меня и землю обетованную...

*

солнце на яр расплескало медь и укатило гордо.
Дина не плачет – нельзя шуметь, нужно казаться мёртвой.
немец подошвами стал на грудь, в рёбра прикладом двинул...
чтобы не крикнуть и не вздохнуть стиснула зубы Дина.
девушке чудится – сыплет град с неба. глаза открыла:
комья земли на неё летят, страх проникает в жилы,
паника гладит по волосам – лучше от пули или
здесь задыхаться и угасать рядом с семьёй в могиле?
хочется Дине бежать, бежать, как из ловушки мыши.
вдруг ей послышалось – шепчет мать: «лучше ползком, потише
к краю оврага, а там, вперёд к домику у запруды».
духом собравшись, ползёт, ползёт по задубелым трупам...
Дина, не в силах домой дойти, дремлет в чужом сарае.
– ось вона, пан поліцаю, стій! я цю жидовку знаю! –
утро по-бабьи раскрыло рот и изрыгнуло нечисть.
Дина под дулом едва идёт, Бога обняв за плечи...

*

у трапа встречаются, как водится, хлебом-солью.
муж традицию знает. ест. а Сара берёт небольшую долю
от каравая, крошит под ноги:
– он у вас не кошерный? –
чем снова бедняге супругу делает нервы,
а вместе с ним журналистам и (в прошлом уже) пионэрам.
садятся в кортеж и катят к яру, минуя проспекты шухевича и бандеры...

Конкурсное произведение 129. " [Адаптация](#) "

Он снова простился с нездешними снами,
что душу крушили, как землю – цунами.

Из кухни заманчиво пахло блинами.
Кипела вода.
Мяукала кошка, звенела посуда,
готовила мама любимое блюдо.

Он знал, что другой, что пришёл не отсюда.
Всегда.
С утра это знание ранило остро,
саднила душа, покрываясь коростой,
поэтому утро давалось непросто
и тяжело уму.
Но знал от рожденья. Ребёнком. Вначале
бессильно метался и плакал ночами,
и звал, и просил, чтобы сны отвечали
ему.

А сны уводили куда-то за скалы,
где эхо его окликало. Искало,
и зов отражался холодным накалом
от сумрачных звёзд.
И он улетал к вожденной планете,
своей и единственно важной на свете,
а в спину толкал нарастающий ветер
и нёс.

Но утром... родные казались врагами,
он даже не верил растерянной маме,
здоровый парнишка, с руками, с ногами,
пока не изгой.
А дни пробегали, итожа печали,
его необычность уже замечали,
жалели порой, головами качали:
другой.

Уехал из дома, чтоб знаки толкуя,
найти непременно таких же, такую,
не раз показалось, что шёл не впустую
на призрачный свет.
Он верил, надежде во всём потакая,
но чахла надежда, всё реже мелькая:
они не такие, она не такая,
о, нет.

Меняли одежду сады и аллеи,
и он потихоньку сдавался, взрослея,
с годами привык, притянулся к земле и
не слышал небес.
Он больше не ждал ни прозрений, ни чуда.
А если и снилось, что он не отсюда,
так это усталость, хандра и простуда,
и вес.

*

Учёные с Глизе* доставили семя
адвекцией мысли соседней системе,
чтоб там коррелировать схожесть со всеми,
кто жил.
В последнем отчёте, что Центру сдавали,
отметили: «Опыт успешен едва ли.
Объект недоступен на прежнем канале.
Слегка приспособлен. Но будет чужим».

*Глизе 581— красный карлик, расположенный в созвездии Весов. Предполагают, что некоторые планеты этой системы потенциально обитаемы.

Конкурсное произведение 90. " [Сон о дожде](#) "

Мне снился дождь. Как он меня чинил.
Как он ложился мелкими мазками
На жухлую траву, могильный камень
Бетонных стен, асфальтовый винил.
Выстукивал свой SOS мне по плечам,
Разглаживал морщины лба и шеи.
И если что-то понимал вообще я,
Меня как будто в чем он уличал.

Вставляя в мир кусочки витража,
Он бился злой кривой кардиограммы
И мой портрет во тьме оконной рамы,
Как в зеркале кривом, отображал.
Мне снился дождь: как он меня чинил,
Выращивал во мне тугую завязь
И, февраля совсем не дожидаясь,
Всё подливал в подлунный мир чернил.

Сквозь пленку сна просвечивал мой век.
Дождь затихал, как будто все исправил.
А я застрял на грани сна и яви,
Ржавея, как Железный Дровосек.

Конкурсное произведение 153. " [Кукурузник. Этюды](#) "

А то не ласточки на воле, не сизари,
Летает «Аннушка» над полем – смотри, смотри:
То шею к облаку заносит, то книзу гнёт,
Глаза и крылышки стрекозьи, но самолёт.
И струи тянутся из пуза, и день в меду,
Здесь быть пшенице, кукурузе – в другом году...
А мы в другом году, воспетом – мы будем где?
Осколок яблочного лета - Успенья день.

*

То ли комбайн, то ли трактор гудит на поле –
Голос у техники в ведро особо зычен –
Яблоки старая Марфа несёт в подоле,
Кухонный фартук прижав к животу привычно.
Сколько нападало, сколько ещё на ветках...
Гул самолёта мешается с птичьим гвалтом,

Марфа отчаянно крестится: чёрт отпетый,
Чудом подворье не вынес, как напугал-то.
В очередь ждал сигареты в ларьке – не борзый,
А за штурвалом лихач, хоть сажай на цепи...
Вспомнится детское: ехали в тыл обозом,
Так же вот кренился фриц, заходя на цели.

*

Осколок очумительного лета...
Он яркого оранжевого цвета -
В подсолнухах весёлых сарафан,
Потянет Колька пояс из кулиски,
И всё внутри расплавится у Лизки,
И ходит ходуном аэроплан.
Но сколько их, полей, в округе, сколько...
Ждёт в авиаотряде Кольку койка -
Железная с пружинами кровать.
А дальше на других просторах вахта,
А Лизка-то беременная, ах ты,
И пузо скоро некуда девать...

Конкурсное произведение 85. " [Кораблик](#) "

Горячих снов о краешке земли,
приправленных туманом и корицей,
разлитых в дождевые хрустали,
уже едва хватает похмелиться.

О, барабанный грохот рефлексий
и поездов полночные тамтамы,
осенняя сырая обессинь,
где множатся губительные штаммы

моих былых любовей... Впрочем, нет –
любвей пустых, как в ноябре аллеи,
где лист последний, словно спасжилет,
алеет.

Всё шорох дней и белый лист зимы
(давай пиши по новой – ты плюс... кто там?)...
Кораблик жизни с носа до кормы
страстями, как снастями, перемотан.

А сам-то – из тетрадного листка:
размыты даты дневниковых бредней...
Я Перельман тоски. Моя тоска

глядит в глазок из сумрачной передней

и дошлых визитёров гонит вон –
разносчиков тревог, бессонниц, пиццы.
Они не понимают: жизнь есть сон,
и мне сейчас совсем другое снится –

в конце разбитых ливнями дорог
безлюдный берег, смолотый в песок...

Конкурсное произведение 64. " [Неудивительно](#) "

неудивительно, что богу
не снятся сны, зачем их снить?
из ничего, из чувства долга
он длит прядущуюся нить,
стучит секундами по жести,
скрипит пером веретено,
сплетая персть и клочья шерсти,
войну и мир и днем и но –
но чью испуганную душу
он держит бережно в горсти
и как любимую игрушку
сейчас пытается спрясти?

